

Секция «Актуальные вопросы современного международного права»

Экстерриториальное применение Европейской Конвенции по правам человека. Анализ дела «Грузия против России (II)»

Научный руководитель – Кадышева Ольга Владимировна

Етдзаева Ксения Александровна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра международного права, Москва, Россия

E-mail: panteleeva-ks@mail.ru

В постановлении «Грузия против России (II)» Европейский Суд по правам человека (далее - Суд, ЕСПЧ) после масштабного анализа своей практики по вопросу экстерриториального применения Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Европейская Конвенция, Конвенция) признал, что события, произошедшие во время активной фазы боевых действий (с 8 по 12 августа 2008 г.), не подпадают под юрисдикцию Российской Федерации. При этом, ЕСПЧ пришел к выводу, что в период с 12 августа по 10 октября 2008 года Российская Федерация осуществляла «эффективный контроль» над Южной Осетией, Абхазией и «буферной зоной»[6].

Какие же доводы использовал Суд для разрешения вопросов о юрисдикции России.

В первую очередь, подчеркнули, что осуществление юрисдикции является необходимым условием для того, чтобы Договаривающееся государство могло нести ответственность за вменяемые ему действия или бездействие, которое приводит к обвинению в нарушении прав и свобод, изложенных в Конвенции. Суд напомнил, что придерживается мнения, что юрисдикция государств является преимущественно территориальной и действия государств-участников за пределами их территории могут представлять собой осуществление юрисдикции только в исключительных случаях. Затем ЕСПЧ отметил, что все исключения можно разделить на две большие модели: персональную (осуществление государственным агентом функций власти и контроля над физическим лицом на иностранной территории) и пространственную (осуществление государством «эффективного контроля» на иностранной территории) модели экстерриториальной юрисдикции[6].

Приступая к оценке событий, произошедших в период активных боевых действий в Грузии, Суд отметил, что сама реальность вооруженного конфликта и боевых действий, предполагает, что над территорией нет контроля, поэтому он может рассмотреть вопрос о юрисдикции только с позиций соблюдения условий персональной модели. К настоящему времени в его практике имелось лишь одно дело, в котором был рассмотрен вопрос об осуществлении государствами-участниками юрисдикции в ходе активных боевых действий. Этим делом является известное решение по делу ««Банкович и другие против Бельгии» (далее - дело «Банкович»)), которое, по мнению ряда комментаторов, является одним из самых противоречивых дел в практике Суда[3] [4] [5]. На основании этого дела и ряда других дел, в которых также было применено оружие, Суд пришел к выводу, что решающим фактором для признания юрисдикции государства на основании персональной модели является применение непосредственного подчинения и контроля над физическими лицами на иностранной территории. Суд посчитал, что Россия не могла осуществлять требуемого непосредственного контроля в ходе активной фазы боевых действий, и, следовательно, не осуществляла экстерриториальную юрисдикцию на данном этапе международного вооруженного конфликта[6].

Затем Суд обратился к разрешению вопроса о юрисдикции России после прекращения огня и до вывода российских войск с территории Южной Осетии, Абхазии и «буферной

зоне». Здесь Суд отметил, что будет проводить оценку с использованием пространственной модели. Данная модель применяется Судом, если на определенной части территории государств-членов Совета Европы возникают непризнанные независимые республики[6]. Учитывая, что непризнанные республики не являются сторонами Конвенции, и не обладают обязательствами по ее соблюдению, ЕСПЧ, во избежание «вакуума» в защите прав и свобод внутри Совета Европы, признает, что территория, на которой функционирует тот или иной сепаратистский режим, подпадает под юрисдикцию того государства-участника, благодаря поддержке которого соответствующий режим возник и продолжил свое существование[1]. В соответствии со своей практикой Суд начал рассмотрение вопроса о том, осуществляла ли Россия «эффективный контроль» в Южной Осетии, Абхазии, и в «буферной зоне» с оценки военного влияния государства-ответчика на соответствующей территории. Затем Суд перешел к оценке экономической и финансовой поддержки, которую Россия оказывала названным республикам и указал на «ползучую аннексию» России, проявлением которой было предоставление российских паспортов и гражданства местным жителям, а так же тот факт, что сепаратистские правительства и силы безопасности были укомплектованы российскими официальными лицами. Учитывая все доводы, ЕСПЧ пришел к выводу, что Россия осуществляла «эффективный контроль» над спорной территорией.

Шесть судей ЕСПЧ высказали свои особые мнения к рассматриваемому постановлению. В качестве основных замечаний судей было «реанимация» дела «Банкович», несостоятельность доводов о невозможности осуществления контроля над физическими лицами ходе боевых действий и еще большее запутывание практики Суда.

Кроме того, в данном деле Суд продолжил практику[7] использования «эффективного контроля» как безусловное основание для возложения ответственности на государство-ответчика за любое нарушение Конвенции.[1][2] Так, Россия была признана ответственной за нарушение целого ряда статей Европейской Конвенции, несмотря на то, что, фактически, противоправные деяния были совершены представителями сепаратистов, а не российскими военнослужащими.

С нашей точки зрения, дело «Грузия против России (II)» является уникальным, поскольку для разрешения вопросов об осуществлении юрисдикции государством-ответчиком на спорной территории ЕСПЧ использовал сразу две разработанные в его практике модели экстерриториальной юрисдикции государств-участников. Вместе с тем, применение Судом сразу двух моделей с одновременным использованием достаточно противоречивого решения по делу «Банкович» в качестве главного прецедента вносит дополнительную путаницу в и без того довольно нелогичную практику ЕСПЧ по вопросу экстерриториального применения Конвенции.

Источники и литература

- 1) А. Исполинов. Ответственность государств и экстерриториальное применение Европейской Конвенции о правах человека. Экстерриториальный эффект Конвенции о защите прав человека и основных свобод
- 2) Кожеуров Я.С. «Эффективный всеобщий контроль» в практике Европейского Суда по правам человека: «империализм прав человека» или большая путаница? // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4 (65)
- 3) M. O'Boyle, 'The European Convention on Human Rights and Extraterritorial Jurisdiction: A Comment on "Life After Bankovic" in Coomans and Kamminga
- 4) M. Milanovic, Extraterritorial Application of Human Rights Treaties: Law, Principles, and Policy//Oxford University Press, Oxford, 2011

- 5) A. Orakhelashvili, 'Restrictive Interpretation of the Human Rights Treaties in the Recent Jurisprudence of the European Court of Human Rights', 14 European Journal of International Law (2003)
- 6) ECtHR Georgia v. Russia (II) (application no. 38263/08) Judgment of 21 Jan 2021
- 7) ECtHR Catan and others v. Moldova and Russia (application no. 43370/04), Judgment of 8 July 2012